

РУССКИЙ МИР

Феномен «Ecole russe»: историология Н. И. Кареева

Ю. А. ВАСИЛЬЕВ

(МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)

В статье дана характеристика основных элементов теории исторического процесса (историологии) Н. И. Кареева. Исследователь «Русской школы» представил собственную оригинальную систему исторической эпистемологии.

Ключевые слова: историология, «Русская школа», синтетический подход, законосообразность, прогресс, личность.

Основоположник «Ecole Russe» («Русской школы») Н. И. Кареев предложил собственное видение основ историологии (теории исторического процесса). Необходимо отметить серьезную эволюцию его взглядов в течение четверти века, прошедшую между первым (1883 г.) и третьим (1907 г.) изданиями его «Основных вопросов философии истории». Тем более что в третьем издании кареевская историология вышла объемным третьим томом.

Проблема необходимости и случайности исторических фактов занимает важное место в историологии Кареева. На рубеже 1870–1880-х годов точка зрения Кареева отличалась определенной осторожностью суждений: признание случайностей не противоречит законосообразности. Объектом анализа стал принцип непланомерности всемирно-исторического процесса. В качестве разумного основания для объяснения данного тезиса явилось заключение: на ход всемирной истории оказывает значительное влияние множество случайностей. Вся история есть сеть самым неожиданным образом перекрещивающихся причинных цепей, действующих на все человечество, на отдельные нации, на социальные группы в нациях, на отдельного индивидуума. Но при

этом делалась оговорка: все происходящее в мире имеет достаточные основания, т. е. происходит необходимым образом. Необходимость проявляется вследствие известных условий: основные направления развития народов обусловлены тремя факторами — особенностями внешней среды, прирожденными свойствами народа, его культурой. Вся история состоит из смены известного рода явлений. Все они как таковые — однородны, существуют в общих условиях времени и пространства, подчиняются общим законам причинной связи, составляют одно целое мира.

В качестве случайного определяется совпадение во времени причинно между собой не связанных явлений. Безусловно случайного не существует, так как даже само случайное есть, в сущности, необходимое: далеко в каузальной цепи лежащие причины издавна уже определили, в какое время должно что-либо совершиться, а потому произвели и совпадения одних событий с другими. Каждое событие есть отдельное звено в цепи причин и следствий, которые связаны во времени, но таких цепей существует бесчисленное множество в пространстве. Они переплетаются между собой самими разнообразными способами в целую сеть причинных цепей. Каждое явление необ-

ходимо по отношению к своей причине и случайно по отношению ко всему остальному, с чем совпадает в пространстве и времени. Абсолютной случайностью была бы только свобода воли, которой приписывают способность начинать ряд изменений без достаточных оснований. Другими словами, в явлениях природы и в истории имеется множество процессов, один от другого независимых, один другого не обуславливающих, совпадение которых необходимо влечет за собой известные явления, как свои следствия, а само может быть объяснено вообще из существования достаточных на то оснований, из самых отдаленных причин, координированных внешним образом (Кареев, 1887: 86–87, 114).

Через четверть века после публикации докторской диссертации по теме «Основные вопросы философии истории» (опубликована в 1883 г.) оценка исследователя стала более императивной в обосновании законосообразности: в мире истории, как и в мире природы, царит строгая необходимость, которая заключается в господстве законосообразной причинности. Ничего беспричинно происходящего в истории нет, и все подчинено действию законов. Абсолютно случайного и абсолютно свободного в ней ничего нет, но относительно случайным и относительно свободным наполнен весь исторический процесс: случайным, когда происходит пересечение двух или более каузальных рядов, и свободным, когда происходящий момент является следствием причины, не зависящей от самого исторического процесса. Случайность и свобода могут существовать лишь на основе и в пределах необходимости.

Историологии не присущ фатализм, отвергающий связи причин и следствий, знанием которых можно пользоваться для достижения поставленных целей подходящими для этого средствами, в том числе для предотвращения того, что может быть грозящей опасностью. Отрицание фатализма, дополненное признанием детерминизма (знание, что в мире все определяется действием причин) основано на следующем положении: фатализм монистичен, детерминизм плюралистичен. Однако плюрализм не означает пресловутую свободу

воли в том смысле, будто воля может действовать беспричинно (Кареев, 2000: 130, 132, 133, 135, 136, 139).

В понимании случайного существует объективный оттенок, объясняющий случайности как пункты пересечения независимых одна от другой каузальных цепей. Дело в том, что случайность есть понятие недопустимое в науках номологических, где все можно предвидеть и предсказать. Однако в науках идеографических, изучающих результаты только однажды данных комбинаций причин, понятие случайности не противоречит понятию необходимости. Изобразить всю сеть одна другую обуславливающих случайностей, классифицировать их по степени важности в общей их совокупности, связать их причинной связью, объяснив внутреннюю необходимость результата от случайного совпадения двух обстоятельств, — это может сделать только история, опирающаяся на фактические данные и освещающая эти данные законами наук номологических.

В реальной действительности приходится постоянно иметь дело со случайностью, однако одно и то же явление или событие нередко может быть названо случайным и необходимым. Например, необходимым можно признать переход Римской республики в империю, потому что для этого есть достаточные основания во всем строе жизни Рима и его провинций: в этом процессе смерть Цезаря, победа Октавиана над Антонием — случайности, не влиявшие на общий ход дел. Но сама Римская империя может рассматриваться как случайность в жизни всего человеческого рода и его прогрессивном движении. Необходимое и случайное с этой точки зрения являются объясняющимися из более общих и более частных причин: для превращения Римской республики в империю были причины более общего свойства, действовавшие более долговременно и постоянно, чем то стечение случайностей, которое привело к катастрофе Цезаря, и нужно было бы Цезарю изменить очень немного, чтобы последней не случилось, например, не пойти в сенат или раскрыть заговор. Равным образом причины прогрессивного движения человечества — более об-

щие, более постоянные, чем те, которые превратили Рим в империю. Как историк может объяснить, например, переход Римской республики в империю из общих причин и показать их действие среди причин более частных и долю влияния последних на ход процесса, так философ истории должен объяснить прогресс человечества из общих причин в связи с действием более частных в той перепутывающейся ткани случайностей, которыми полна человеческая история. Но последняя, как она есть, для нашего ограниченного понимания только громадная случайность в общем мировом процессе, так как не может найти для себя объяснения из самых общих причин развития мироздания и на это развитие не оказывает существенного влияния (Кареев, 1887: 90–91).

Интерпретируя собственный взгляд на действительную историю, Кареев подчеркивал, что он ни в коей мере не умаляет научность истории: «случайной конфигурацией» можно заниматься научно, констатируя факты и соединяя их, как причины и следствия, как разные следствия общей причины, как совокупности причин общего следствия. Понятие случайного относительно, но в историю его необходимо внести, поскольку нельзя все параллельные цепи причин и следствий свести к одному знаменателю. Каждый необходимый процесс соприкасается с другими для произведения общего результата совершенно случайным, вследствие ограниченности человеческого ума, образом. Необходимым признается частное, объясняющееся из общего, а частности, для которых нельзя найти общего, будут случайностями. Нельзя объяснить истории перехода Рима к цезаризму, не зная результатов частных причин, так точно и история человечества не может быть выведена из общих ее условий: рядом с одним необходимым и в своей необходимости нам понятным существуют и другое, и третье, и сотое, и тысячное — такое же необходимое, взаимодействие которых, тоже необходимое, но уже непонятное, и производит ряд случайностей в каждом процессе. Логика одного процесса постоянно нарушается логикой другого, и логику целого потому нередко трудно найти. Каждый

процесс, изолированный от других, логичен, правилен, закономерен, но вся их совокупность есть невообразимая путаница (Кареев, 1887: 92).

В историологии Кареева важным звеном является деление исторического процесса на прагматическую историю (прагматику) и культурную историю (культуру). Прагматика в самом широком значении — это не только действия людей, складывающиеся в события (главный предмет прагматической истории), но и всякие человеческие поступки, вообще вся деятельность членов общества. Каждое отдельное действие может продолжаться в форме усиления, расширения, усложнения, совершенствования, переходить с одной ступени на другую и переживать кризисы, испытывать реакции, приходить в расстройство и упадок. Вся прагматика, существующая в обществе, протекает в определенной культурно-социальной среде, которая имеет для нее значение как совокупность условий, на нее влияющих, так и совокупность форм, в которых совершаются отдельные акты деятельности. Условия заключаются в существующих культурно-социальных формах: в строе данного общества, в общем укладе его жизни, быта. То, что делают люди, называется прагматикой, то, как они это делают, — культурой. Под прагматикой понимается совокупность всех действий, взятых только в их содержании и, следовательно, в отрешенности от их форм, а под культурой — совокупность всех форм действий, отвлеченных от его содержания.

В истории совершается взаимодействие прагматики и культуры. Реальной стороной своего поступка субъект исторического процесса не только может вызвать поступок другого (прагматическая сторона процесса), но и изменить сами условия его жизни и деятельности (влияние прагматики на культуру).

В чистой прагматике интересуют только мотивы и цели действующих лиц, в чистой культуре — условия и формы жизни и деятельности людей. С одной стороны, что, почему и для чего делали в прошлом люди, с другой — как жили, думали, работали те же люди, причем это как значит в иных случаях в каких условиях, а в иных — в каких формах. Это за-

дачи истории прагматической — в первом случае, культурной — во втором. На общей основе синтетического понимания исторического процесса как взаимодействия прагматики и культуры, сводящегося в последнем анализе к разнообразным взаимодействиям между отдельными людьми, могут в конце концов получить полное разрешение все наиболее существенные проблемы историологии (Кареев, 2000: 172–175).

Для историологии важно, в чем заключается и какое значение имеет явление, обозначаемое термином «всемирно-историческая преемственность» (с необходимой оговоркой относительно условности в понимании «всемирности» этого процесса). Каждый народ и каждое государство испытывает со стороны других таких же национальных и политических образований влияния двоякого рода. В терминологии Кареева они получили наименование месологических и морфологических (там же: 191, 202).

Основополагающим элементом в объяснении историологии Кареев считал идею прогресса, которая в объективном смысле воспринималась как результат самого широкого обобщения в истории человечества. Идею прогресса Кареев называл главнейшей историософской идеей, которая составляет душу историософии и философии истории. Однако вопреки распространенной в то время теории бесконечного линейного прогресса он рассматривал прогресс не в качестве некоего закона истории, а предлагал воспринимать сущность прогресса двояко. Во-первых, в тесной связи с идеалами: идея прогресса способна примирить чувство разлада идеала с действительностью. На философию истории возлагалась функция: проследить один абстрактно рассмотренный процесс (прогресс, взятый идеально) среди всех конкретных процессов истории, обнаружить, насколько те или другие явления были закономерны, необходимы по самой сущности дела, а не вследствие разных случайностей, и показать, насколько по разным причинам эмпирический ход истории уклонялся от формулы прогресса. Во-вторых, прогресс воспринимался как подведение итогов под фактами, указывающими на накопле-

ние знаний, успехи техники. Содержание исторической науки представлялось как изображение перемен в состоянии общества, изменений в общих течениях его деятельности, его переходов на высшие ступени развития. При этом подчеркивалось, что прогресс нельзя оценивать в качестве некоего единого и исключительного закона истории: это только совокупность известных явлений духовной и общественной жизни, которые управляются законами психологии и социологии (Кареев, 1887: 129–132, 150, 152, 160, 162, 299). Восприятие Кареевым прогресса основано на аксиологическом и праксеологическом контекстах исторического процесса.

Поскольку общественная жизнь не представляет собой неизменно поступательного движения вперед, требуется оценочная мерка (подчеркнем: мерка, а не априорный план), лежащая в основе понятий «прогресс» и «регресс»: временные отступления назад в истории происходят сплошь и рядом, и за периодами движений, осуществляющих новые культурно-социальные формы, то и дело следуют периоды реакционного характера. Движение вперед, улучшение, совершенствование, заключая в себе не только элементы простого знания, но и оценки познаваемого, принято называть прогрессом, в отличие от терминов «процесс», «развитие», «эволюция», не заключающих в себе оценочной точки зрения. В совершенствовании человечества важно не только знание того, как улучшается материальная, духовная и общественная культура людей, но и того, как человечество приближается к осуществлению в действительности содержания своих идеалов. Времена прогресса и времена регресса чередуются в истории народов, и в одну и ту же эпоху одно может прогрессировать, другое — регрессировать; в каждый момент наблюдаются конфликты и борьба в обществе между разными его элементами и силами, между разными в нем стремлениями и направлениями, с одной стороны, прогрессивными, с другой — регрессивными.

Кареев отвергал рассмотрение прогресса как основного закона истории. Если бы прогресс был действительным законом истории,

считал он, то последняя постоянно шла бы вперед, в ней прямолинейно осуществлялось бы то, что вытекало бы из основной тенденции прогресса — достигнуть предполагаемой цели, к которой направляется все историческое движение. Допустить подобную цель как нечто желательное или должное можно, только исходя из этических принципов. В материальном, техническом прогрессе осуществляется преобразование материальной культуры человека. Кроме этого, существует прогресс умственный, заключающийся в развитии интеллекта, в выработке знаний, их накоплении, распространении. Три оценочные мерки (качественная, количественная и пространственная) одинаково применимы к тому, в чем состоит умственный прогресс. Помимо умственного прогресса, существует прогресс нравственный. Прогресс нередко заключается не в дальнейшем развитии данного, а наоборот — в отречении от него, в замене старого новым, в движении к чему-то, имеющему значение противоположности исходному пункту (Кареев, 2000: 157–158, 204–207, 209–210, 213).

История человечества состоит из многих историй, но сущность исторического процесса, отвлеченно взятого, везде одинакова: процесс этот подчинен одному необходимому порядку, законам развития психического и социального, создающими сложное явление прогресса. Поэтому прогресс и есть то единое, которое Кареев определял в качестве объединяющей идеи философии истории. Задача философии истории формулировалась им как изображение эмпирического хода истории, обусловленного множеством причин, полного случайностей, но объединенное историософской идеей тождества исторического процесса, ведущего к прогрессу, — идеей законов, необходимо действовавших во всех процессах, направлявших ход истории. Построение доктрины должно быть основано на историософской идее, признающей единство истории в понимании тождества сущности исторического процесса у всех народов, а не в каком-либо принципе, якобы предшествующем всякой истории (Кареев, 1887: 96).

Общую историческую эволюцию не следует понимать как некое прямолинейное, всегда

вперед идущее движение, без своего рода скачков в сторону и возвращений вспять. Исторические перемены могут происходить путем долговременного и постепенного процесса последовательных, но идущих в одном и том же направлении и в каждом отдельном случае мелких изменений и, наоборот, могут совершаться быстро и сразу путем внезапного разрыва с прежним, предполагающего победу в борьбе одних общественных сил над другими. Чисто эволюционные процессы и органические эпохи предполагают известное равновесие наличных социальных сил, кризисы и критические эпохи знаменуют собой нарушение прежних равновесий. Кризисы, играющие роль своего рода переломов или переворотов в жизни народов, могут иметь или более частное, или более общее значение. С этой точки зрения даже такой крупный кризис, целый сдвиг всей истории большой страны со старых основ, каким является Французская революция, был лишь моментом общего эволюционного процесса, в котором одновременно не только отживало старое и зарождалось новое, но и новое продолжало носить на себе следы старого, будучи не совсем уж новым. То, что при обычном течении дел происходит лишь по частям и постепенно, в моменты кризисов совершается сразу и быстро, но не так, чтобы старое бесследно исчезало.

С точки зрения культурной истории исторический процесс есть именно трансформация общественного быта, которая или происходит медленно, постепенно и даже непреднамеренно, или же совершается быстро, сразу и преднамеренно, что вызывает борьбу между стремящимися к переменам силами и силами, отстаивающими старое. Со стороны прагматической исторический процесс есть по преимуществу процесс, в котором действующим механизмом являются конфликты общественных сил, порождающие исторические кризисы.

При бесконечной сложности общественной жизни и исторического движения трансформация отдельных сторон, частей, элементов изучаемой жизни происходит далеко не равномерно: одно опережает, другое отстает; одно крепнет, усиливается, умножается, другое

ослабевает и идет на убыль; одно испытывает более или менее существенные, глубокие и быстрые изменения, другое сохраняет прежние формы или изменяется в чем-либо неважном и очень медленно, едва заметно. Одни элементы (экономика, политика, идеология), части общества (социальные классы, культурные слои, территориальные группы), стороны исторического движения находятся в постоянном взаимодействии с другими элементами культуры, частями общества и сторонами истории и все вместе взятые между собой, и всякие нарушенные равновесия постоянно восстанавливаются. Движение вперед в одном отношении сдерживается или останавливается более инертными по той или иной причине силами, или же, наоборот, изменения, начинающиеся в одной сфере, отражаются на других, вызывая и в них выход из данного состояния. Получаются некоторые равнодействующие, которые, в свою очередь, не имеют характера прямых линий и правильного нарастания движения: линии получаются даже не кривые, а ломаные, и шаги, сделанные вперед, чередуются с остановками на месте или даже возвращениями вспять. Отсюда и общий характер исторического процесса, представляющего собой не постоянную эволюцию, безболезненное и мирное развитие, а движение, которое сопровождается внезапными кризисами, хотя, конечно, каждый имел свою эволюционную подготовку (Кареев, 2000: 152, 154–156).

Ход исторических событий то устремляется вперед, то возвращается вспять; то вздымаясь ввысь, то опускаясь вниз; то шатаясь справа налево, то слева направо, в каждый миг проходя через возможности; то целиком, то лишь частью осуществляясь, то чуть было не осуществившись, то совсем пролетев мимо. Что ход событий был тот, а не иной, это, конечно, имело свои причины, но сами причины были весьма многочисленны, разнообразны, противоречивы, влекли его в разные стороны, открывали перед ним разные пути и не давали ему идти по одной линии. Только историки впоследствии делают попытки нахождения той равнодействующей, по которой прошло движение, и дают объяснения, почему осуще-

ствились только данные возможности, а не другие, которые не перешли в действительность. Произошло все необходимо, но столь же необходимо все могло бы произойти и иначе, если бы осуществилась одна какая-нибудь из представлявшихся возможностей или не осуществилась какая-либо осуществившаяся возможность. Например, история Европы в начале XIX в. могла бы быть несколько иной, если бы англичане не прозевали возвращения Наполеона из Египта.

Если исторический процесс протекает среди многих возможностей в разные стороны, конечно, не безграничных, а в пределах известных условий, более или менее ограниченных, то осуществление или неосуществление любой из них при общей их допустимости, зависит нередко не столько от силы этих общих условий, сколько от поведения исторических деятелей, коллективного поведения целых общественных групп, индивидуального поведения отдельных личностей. Наполеон начал в 1812 г. войну с Россией, но мог бы и не начать ее. За ним была свобода выбора, конечно, в известных пределах, но все-таки свобода, как и свобода выбора между двумя планами атаки русских при Бородино. Все причины сложились так, что Наполеон войну начал и при Бородино отказался от плана, который мог бы для французов закончиться безусловной победой. Но пока война еще не началась или пока не был выбран и не начал осуществляться избранный план атаки, ничего невозможного не было в том, чтобы война не началась, и ничего невозможного не было в выборе другого плана битвы. Правда, события, чтобы им быть или не быть, зависели не от одного Наполеона, но и от Александра I и от других людей, от кого больше, от кого меньше: суть дела в том, что вообще люди могли дать ходу истории другое направление. Весь вопрос в степени возможности и в большей или меньшей вероятности того, что при несколько ином настроении и образе действий участников событий последние могли бы не произойти или произошли бы несколько иначе (там же: 134).

В истории человеческих обществ эволюционные процессы сопровождаются катастро-

фическими кризисами. Одной из важных формул социальной динамики Огюста Конта было деление исторических эпох на органические, продолжающие и развивающие унаследованное от прошлого, и на критические, разрушающие наследие прошлого, вносящие в жизнь новые начала. При широком понимании эволюции как генетического процесса, в котором все новое возникает из старого, понятие кризиса столь же мало противоречит этой идее, как понятие случайности — идее необходимости. Ведь общую идеографическую необходимость можно разложить на частные необходимости, т. е. на отдельные причинные ряды, причем пересечение одного такого ряда с другим, от него независимым, порождает то, что мы называем случайностью. В истории наблюдается не только бесконечное множество каузальных цепей, переплетающихся одни с другими в весьма сложных сочетаниях, но и великое же множество эволюционных рядов, вторгающихся один в другой и производящих своего рода пертурбации в постепенной последовательности отдельных процессов. В исторической жизни кризисы, переломы сопровождаются явлениями, обозначаемыми как «акции» и «реакции». В данных понятиях содержится элемент оценки исторического процесса, состоящего из шагов вперед и шагов назад. Акции осуществляют что-нибудь новое, реакции, наоборот, новое устраняют для восстановления старого, потерпевшего урон в борьбе с новым. Акции чередуются в истории с реакциями, ассоциирующимися с понятием регресса (там же: 150, 151, 158).

Резюмируя различие между метафизической и научной историософией, Кареев сводил их к следующему. Первая — стремится создать единый, гармоничный в своих частях и логически необходимый план хода истории. Вторая — может исходить только из признания истинности трех положений: ход истории зависит от множества разных причин, правильности он не представляет, значительную роль в нем играет случайность. Это заставляет научную историософию отвергнуть всякую идею плана в истории, ведущую прямо к конструированию последней, что не мешает установить некоторый план для философии исто-

рии как науки. Историософия должна найти единое, которое тождественно во многом, что позволит распространить феноменологическое изучение на все человечество: каковы общие и необходимые причины исторической жизни, в чем заключаются главные законы развития элементов надорганической среды или логические порядки культурных и социальных форм. На все эти вопросы научная историософия найдет ответы в психологии и социологии: этим будет подготовлена почва для научной философии истории, которая рассматривает единый в своей сущности, необходимый на известной ступени органического развития и совершающийся в законном порядке прогрессивно-исторический процесс в действительном ходе истории, разрозненном, полном случайностей, беспорядочном, то прогрессивном, то регрессивном. Здесь дело не в плане истории, а в объединяющей идее, которая под словом «прогресс» подразумевает самую общую, самую необходимую и самую ясную *тенденцию* исторического процесса. Показать, как и насколько, где и когда, кем и почему осуществляется эта тенденция, есть уже дело эмпирической истории (Кареев, 1887: 97).

Конструирование истории как произвольное и натянутое объяснение ее хода, оправдание фактами заранее готовой теории в науке неприемлемо. Всякая предвзятая мысль, долженствующая *объяснить* историю, будь то метафизический план, или какая-либо аналогия, или применение только излюбленных принципов, или простое пристрастие, исказят действительность до большей или меньшей степени неузнаваемости. Каждый отдельный факт можно объяснять только из его причин, не связывая его в угоду теории с тем, с чем он связи не имеет. Так, объяснить историю можно только из нее самой, каждый момент предыдущим, пока исследователь не дойдет до трех основных категорий условий (географических, антропологических и культурных), в которых в соответствии с научной историологией должен протекать каждый исторический процесс. Образование самих условий лежит уже за пределами исторического знания, где причины неизвестны, что бывает большей частью

с индивидуальными случаями, например с врожденными чертами характера какого-либо крупного исторического деятеля (там же: 112; Кареев, 2000: 55).

Общий ход истории каждой страны, тип культурной эволюции, в ней совершающейся, зависят не от действия какого-либо общего закона, управляющего последовательностью событий в жизни народа, которыми определяются его судьбы, направляющего развитие его внутренних отношений, — такого закона во все нет, — а от особых в каждом случае условий, в каких приходится жить и действовать тому или другому народу.

В научной историологии значима мысль о различной и многообразной обусловленности истории, о законах, управляющих отдельными категориями тех условий, в которых живут и действуют народы, о своеобразной обусловленности действия тех общих законов развития отдельных сторон материального, духовного и общественного быта, которые познаются сравнительным изучением исторических фактов. Общая законосообразность всего совершающегося проявляется различно и многообразно в зависимости — в каждом отдельном случае — от данных условий своего проявления и, в сущности, сводится к порождению теми же или сходными причинами тех же или сходных следствий, причем комбинации этих причин варьируются до бесконечности. Каждая новая комбинация определяющих условий дает в результате новую комбинацию следствий (Кареев, 2000: 53–54).

Отдельные народы, во-первых, живут в неодинаковых географических условиях. Во-вторых, человечество не является чем-то однородным по своим прирожденным физическим и психическим свойствам, делясь не только на такие расы, как белая, желтая, черная и т. д., но и на меньшие этнические группы, представляющие собой, по мнению Кареева, разные типы человеческой природы. В-третьих, в создании тех условий, в каких приходится исторически жить отдельным народам, участвует еще и сама история — и притом не только самих этих народов, но и их соседей. Каждая частная история есть равнодействующая тройного рода условий — географических

(топографических), антропологических (этнических) и собственно исторических (культурных и прагматических), иначе говоря, условий физических, биологических и социально-психических.

Воссоздание истории по ее условиям является функцией феноменологии, поиск законов развития — дело номологии. Показать действие этих законов среди данных условий и влияние этих условий на процесс развития — задача философии истории. Историология заимствует из истории знание общих течений в жизни человечества, к которым все отдельное относится как часть к целому, и из психологии и социологии знание общих тенденций, к которым все особенное относится как частный случай к общему правилу. Исторически она должна объяснить место каждой части в целом, одного народа во всем человечестве, одной эпохи во всем историческом времени, одного события во всей их системе, а психологически и социологически — понять отдельные явления как частные случаи общего правила, отдельные процессы как различно обусловленные видоизменения одной и той же тенденции, т. е. общих законов развития духовной и общественной жизни. История может объяснить общее направление хода судеб человечества, но понять сущность основной тенденции, которая проглядывает в этом процессе, она может только с помощью наук номологических и философии, сводящей к высшему единству знания о природе и человеке. Произвести такое соединение истории с данными наук номологических можно только при условии рассмотрения всей истории, поскольку проследить действие общих законов невозможно в одной части, так как все они сначала разрозненные, все более и более начинают соединяться в одну систему, и результаты, например исторического процесса в Европе, дают себя знать в самых отдаленных уголках земного шара, оказывая влияние на материальную, духовную и общественную жизнь. С другой стороны, психология и социология должны участвовать в выработке историософских принципов.

Исторический процесс можно определить как совокупность эмпирически соединенных

между собой общих течений, из которых каждое есть эмпирическое соединение элементарных процессов психической и социальной жизни. Так как единство каждого процесса составляет его тенденция, то на историю можно смотреть как на сумму переплетающихся, взаимно обуславливающих и извне обусловленных процессами физическими и биологическими тенденций духовной и общественной жизни (Кареев, 1887: 118–119).

Один из дискутируемых до сих пор вопросов — о смысле истории. Размышления Кареева на данную тему представляют несомненный интерес. История состоит не из одного констатирования фактов прошлого, не из одного нанизывания их один на другой, не из одного анализа данной действительности: философский дух, проникая в историческую науку, позволяет оценивать значение случившихся фактов для человечества, объединять и обобщать множество фактов в цельную картину хода истории, искать, не состоит ли этот процесс в постепенном возвышении действительности до идеалов, созданных стремлением человеческого ума к истине, желанием добра, обобщающим все высшие инстинкты природы человека. Здесь история и философия протягивают друг другу руку, одна — изображая общий ход судеб человечества в зависимости от неорганических, органических, культурных и социальных условий, другая — проливая свет на эту картину, оценивая ее значение, отыскивая в ней то общее, что ее объединяет, ее отношение к своим идеалам. В философии истории цельность философского взгляда, опираясь на точность исторической науки, обозревает пройденный путь и старается проникнуть вперед, в даль грядущих веков, застилаемую туманом неизвестного будущего.

Основная задача философии истории заключается в следующем: представив ход изменений в жизни и судьбах человечества на основе данных из опыта, осмыслив его по законам психологии и социологии, необходимо найти смысл этих изменений для человечества. Здесь речь может идти не об абсолютном смысле, а об относительном: какое значение имеет история для человека? Не для самого

исследователя, не для того или другого поколения, уже сошедшего со сцены или ныне живущего, а для всех людей вообще, где бы то ни было и когда бы то ни было. Вопрос о смысле истории понимается как смысл, какой имеют для людей изменения в их жизни, произведенные историей (Кареев, 1887: 128–130).

Поиск смысла исторического процесса в его целом предполагает субъективную оценку истории с относительной, человеческой точки зрения. Историк осуществляет оценку хода истории как прогрессивного или регрессивного, всегда предъявляя истории известные субъективные требования: он считает нормальным то течение исторической жизни, которое наиболее соответствует его идеальным требованиям. В подобном подходе философия истории есть суд над историей. Суд над историей или то, что разумеется под определением ее смысла, может выступать в качестве поучения, т. е. взгляда на то, что должно быть признано желательным для будущего (там же: 152, 264–265, 267).

Востребованность идей представителя русской исторической школы проявилась в мировой интеллектуальной мысли (см.: Социология истории Николая Кареева, 2000). Историология Кареева получила продолжение в работе Х. Ортеги-и-Гассета «Философия истории» Гегеля и историология» (1928 г.), в которой также изучались возможности и границы историологии. В трудах французской школы «Анналов» (М. Блок, Л. Февр, особенно Ф. Бродель) в XX веке осуществлялись исследования в рамках синтеза социологии, обществоведения и истории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кареев, Н. И. (1887) Основные вопросы философии истории. Ч. 1. Сущность и задачи философии истории. 2-е изд. СПб.

Кареев, Н. И. (2000) Историология (Теория исторического процесса) // Социология истории Николая Кареева : межвуз. сб. / под ред. А. О. Бороноева, В. В. Козловского, И. Д. Осипова. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та. С. 13–240.

Социология истории Николая Кареева (2000) : межвуз. сб. / под ред. А. О. Бороноева, В. В. Козловского, И. Д. Осипова. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та.

*THE «ECOLE RUSSE» PHENOMENON:
THE HISTORIOLOGY
OF N. I. KAREEV*

Yu. A. Vasiliev

(Moscow University for the Humanities)

The article characterizes the main elements of the theory of historical process (historiology) by N. I. Kareev. The researcher of the «Russian school» represents his own original system of historical epistemology.

Keywords: historiology, the «Russian school», synthetic approach, social legality, progress, personality.

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATION)

Kareev, N. I. (1887) *Osnovnye voprosy filosofii istorii*. Ch. 1. Sushchnost' i zadachi filosofii istorii. 2-e izd. SPb.

Kareev, N. I. (2000) *Istoriologiya (Teoriia istoricheskogo protsessa) // Sotsiologiya istorii Nikolaia Kareeva : mezhvuz. sb. / pod red. A. O. Boronoeva, V. V. Kozlovskogo, I. D. Osipova*. SPb. : Izd-vo S.-Peterburg. un-ta. S. 13–240.

Sotsiologiya istorii Nikolaia Kareeva (2000) : mezhvuz. sb. / pod red. A. O. Boronoeva, V. V. Kozlovskogo, I. D. Osipova. SPb. : Izd-vo S.-Peterburg. un-ta.